

Журнал - 1992 - 12 марта - с. 8

Владимир ВОЙНОВИЧ:

Я УМЕЮ СМЕЯТЬСЯ

Праматерь нынешней "Литературной России" газета "Литературная жизнь" (широко известная в узких кругах под названием "Ли-Жи") так однажды отзывалась о творчестве Владимира Войновича: "Поэтика этого автора чужда основному методу советской литературы — он изображает жизнь такой, как она есть на самом деле..."

— Мой первый литературный опыт, — рассказывает Владимир Николаевич, пришедшим на встречу с Мастером студентам факультета журналистики МГУ, — относится к детским годам, когда мы с мамой отдыхали на Волге. Мне в руки попался сборник драматурга Александра Островского, и я восхищался тем, как точно автор передает стиль и интонации героев. Наверное, ходит за ними, подслушивает и записывает. Неужели я так не смогу?

В соседней комнате мама выясняла отношения с соседкой, а я, стоя под дверью, заносил услышанное в тетрадь. Увы, через некоторое время перестал поспевать за динамикой ссоры и "задвинул" писательство. Очевидно, Островский писал слишком быстро, — решил я.

— Мизантроп Николай Гоголь поражал Россию брызжащим из-под его пера смехом. А как у вас

обстоят дела с бытовым чувством юмора?

— Я нормальный человек — могу грустить, умею шу-

тить, смеяться.

— Ваше самое приятное воспоминание?

— Торт "Наполеон", кото-

рый готовила моя мама.

— Как вы относитесь к русским на Западе?

— У меня друзья и враги на Западе, друзья и враги в России. Я не люблю многих людей по эту сторону Буга, но и отказался участвовать в Конгрессе соотечественников, где предлагали сесть за один стол с полицией и эсэсовцами.

— Говорят, вы написали свой автопортрет в образе Чонкина. Правда ли это?

— Гюстав Флобер декларировал: "Анна — это я". Чонкин — больше "я", чем Флобер — Анна.

— А как с портретом Солженицына (Сим Сымч Карнавалов) в романе "Москва 2042"?

— Когда Александра Исаевича исключили из Союза писателей, я написал им письмо протеста со словами о том, что он — "величайший сын России". Потом этот эпигр не давал мне спокойно жить — великий писатель — да, но "величайший сын"... Не стоит (не умаляя огромных заслуг его) делать из Солженицына кумира, барина, который "нас рассудит".

— Расскажите, пожалуйста, о ваших встречах с Виктором Некрасовым и Сергеем Довлатовым.

— Этих людей я знал очень хорошо, дружил с ними, ду-

ховное родство наше крепло во время совместной работы на радио "Свобода", откуда в доперестроечные годы Советский Союз узнавал правду о себе. Подробности же о них — в их книгах. Читайте.

— Кого вы считаете лучшим русским сатириком последних лет?

— Безусловно, Венедикта Ерофеева.

— А как вы относитесь к авангардной прозе? Творчеству Саши Соколова?

— Не так, как к творчеству Ерофеева.

— А Эдичка Лимонов вам нравится? (Смех в аудитории.)

— Когда увидел его на экране, выключил телевизор. Не знаю даже, о чем он говорил на вечере в ЦДЛ.

— Расшифруйте, пожалуйста, ваш термин "вторичный продукт".

— Все время мы что-то экономили, сокращали, превращали Москву в образцовый коммунистический... Вот я и проследил до конца путь превращения. А вторичный продукт — не мое изобретение. Мао Цзэдун в свое время выступил с почином: "Удобрения для вашего огорода — в желудке каждого китайца".

— Представьте себе, что вам выпала возможность написать письмо Владимиру Ильичу Ленину. С какими словами вы бы обратились к вождю?

— С теми же, что Сергей Есенин к другу: "До свиданья, друг мой, до свиданья..."

Записал
Сергей ФОНАРЕВ.